

Глава 1

Появление на свет Энтони Гамильтона сопровождалось скандалом, и с тех пор именно скандал стал постоянным спутником его жизни.

Он был единственным ребенком графа Линли, но считалось почти доказанным, что графу он не сын. Леди Линли, будучи намного моложе мужа, не могла родить в первые десять лет брака, а затем, как гром среди ясного неба, произвела на свет крепкого, красивого мальчика, ни капли не похожего не только на лорда Линли, но и на Гамильтонов. Линли не отрекся ни от жены, ни от ребенка, но тот факт, что леди Линли и ее сын большую часть времени проводили вдали от Линли-Корта, казался всем доказательством... чего-то.

К тому же Энтони Гамильтон был еще и необузданным мальчишкой. Его выгнали ни много ни мало из трех школ, в основном за драки, но один раз за то, что он жульничал, играя с профессором в карты. В рекордно короткое время завершив свое обучение в Оксфорде, он осел в Лондоне, чтобы вести там жизнь, которую окружающие считали исключительно порочной и безнравственной. В это же время молодой Гамильтон принял решение больше не пользоваться своим титулом, не позволяя называть себя виконтом Лангфордом, как подобало наследнику Линли, и настоял на

том, чтобы стать просто мистером Гамильтоном. Все это в сумме с регулярными появлениями за игорными столами с очень высокими ставками и неиссякаемой вереницей богатых вдов и матрон, в обществе которых его часто замечали, красило репутацию молодого джентльмена в самые темные оттенки и делало его человеком неисправимо безнадежным, что очень восхищало и завораживало высшее общество.

Однажды Энтони Гамильтон во время игры в кости поставил все, что имел, включая одежду, и каким-то образом ушел с небольшим состоянием в кармане. Печальную славу приобрело его сомнительное пари с леди Николс, завершившееся тем, что во время бала в Карлтон-Хаусе она отдала молодому Гамильтону свои бесценные рубины. Был случай, когда сэр Генри Милтон обвинил сына графа Линли в том, что леди Милтон носит во чреве его ребенка; мистер Гамильтон лишь улыбнулся, пробормотал что-то на ухо сэру Генри, и весь следующий час эти двое провели за бутылкой вина и выглядели как закадычные друзья. Ходили слухи, что как-то вечером Энтони Гамильтона едва не забрали в тюрьму Флит, а на следующий день он оказался богат, как Крез. Молодой человек был крайне противоречив, а его скрытность лишь подогревала интелес сплетников. Для такого испорченного джентльмена он был на удивление осторожен и сдержан.

Селия Риз слышала все эти истории. Несмотря на предостережения матери, во время своего первого сезона в Лондоне Селия полюбила сплетни, и казалось, что все они так или иначе касались Энтони Гамильтона. Может, он и не был самой скандальной личностью в Лондоне, но точно имел наиболее безнадежную репутацию из всех, кого она знала, и, разумеется, его подвиги казались ей крайне занимательными.

4 Энтони дружил с ее братом Дэвидом столько, сколько Селия себя помнила, и часто приезжал

на школьные каникулы в Эйнсли-Парк, фамильное имение Ризов. По мере того как дурная слава Энтони росла, его визиты становились все реже, а потом и вовсе прекратились. Селия подозревала, что ее мать запретила Энтони их навещать, но все равно тепло вспоминала мистера Гамильтона, относясь к нему почти как к брату. Он привязывал ей леску к удочке, помогал запускать воздушных змеев, и ее очень забавляло, что теперь юные леди боятся пройти мимо него в одиночестве — настолько он считается порочным.

Естественно, наличие подобной репутации означало, что Селия больше никогда не увидит мистера Гамильтона. Ее мать, Розалинда, регулярно напоминала, что порядочные молодые леди не должны иметь ничего общего с порочными джентльменами. Селия с трудом воздерживалась от замечания о том, что ее собственный брат такой же необузданный молодой человек, как и мистер Гамильтон, но в основном она слушалась мать. Ее первый сезон проходил чудесно, и Селии не хотелось испортить его, и тем более она совсем не желала быть отправленной обратно в Эйнсли-Парк из-за общения с безнравственным джентльменом.

К счастью, в обществе хватало других молодых людей, и она могла выбирать. Будучи дочерью, а теперь сестрой герцога Эксетера, Селия считалась завидной партией. Граф Каррик еженедельно присылал ей лилии. Сэр Генри Эйвеналл дарил розы. Герцог Уэр несколько раз приглашал на танец, виконт Грейвз сопровождал на прогулке в парке, а лорд Эндрю Бертрам посвящал Селии сонеты.

Сегодня, к примеру, к ней проявил внимание лорд Юстон. Красивый молодой граф с именем в Дербишире и солидным состоянием — завидный жених. Кроме того, он превосходный танцор, а Селия любит танцевать. Когда лорд Юстон подошел в третий раз, она улыбнулась.

— Леди Селия, я бы хотел пригласить вас на танец. — Джентльмен изящно поклонился. У него и манеры превосходные.

Селия вспыхнула. Он же должен понимать, что она больше не может с ним танцевать!

— Право же, сэръ, думаю, я вынуждена отказать.

Он не выглядел ни разочарованным, ни удивленным.

— Полагаю, вы правы. Не согласитесь ли в таком случае прогуляться со мной по террасе?

Прогуляться по террасе — наедине с джентльменом! Селия посмотрела на мать, стоящую в нескольких футах. Розалинда, наблюдающая за ними, едва заметно кивнула, одобрительно посмотрев на лорда Юстона. Желудок у Селии сразу подскочил — она еще никогда не прогуливалась наедине с джентльменом. Селия извинилась перед подругами (все, как одна, смотрели на нее с завистью) и взяла лорда Юстона под руку.

— Для меня честь, что вы согласились прогуляться со мной, — сказал он на выходе из бального зала.

— Я очень рада, сэръ. — Селия улыбнулась, но лорд Юстон лишь кивнул, не сказав больше ни слова.

Они прошли через открытые двери, и их окутал восхитительно свежий и прохладный ночной воздух. Однако, вместо того чтобы остаться у дверей, лорд Юстон направился дальше, увлекая Селию к противоположному краю террасы, где было темнее и меньше народа, точнее говоря, почти безлюдно. Сердце девушки замерло. Что он собирается сделать? Еще ни один из поклонников не целовал ее. Нельзя сказать, чтобы она особенно благоволила лорду Юстону, но, если он попытается поцеловать ее, это будет по-настоящему лестно. И пожалуй, уже пора набираться опыта в поцелуях.

Любопытство Селии разгорелось, она украдкой посмотрела на кавалера. В лунном свете он еще красивее, подумала Селия, пытаясь вообразить,

как его губы прижимаются к ее. Будет приятно или неловко? Должна ли она вести себя скромно и застенчиво или, наоборот, нужно проявить инициативу? И вообще, стоит ли ему позволять подобные вольности?

— Я должен вам кое-что сказать. — Селия облизнула губы, все еще решая, позволять ли поцелуй, но лорд Юстон даже не качнулся в ее сторону.

— Леди Селия, — начал он, положив руку на сердце, — я должен вам сказать, как сильно я вас обожаю.

Этого она не ожидала.

— Э-э... в самом деле?

— С того момента, как мы впервые встретились, я думаю только о вас, — продолжил лорд все с бóльшим пылом. — Судьба возобладала над моей волей. Размышления унижат мою любовь, что расцвела с первого взгляда. — Он взял Селию за руку и выжидающе посмотрел на нее.

— Я... я польщена, сэр, — произнесла она после долгой паузы.

— И вы меня тоже обожаете? — спросил лорд Юстон. Селия в замешательстве широко открыла глаза.

— Я... ну, дело в том... я... — Она откашлялась. — Что?

— Вы меня? — повторил он с пугающей настойчивостью.

Нет. Конечно, не обожает. Он привлекательный и танцует хорошо, и, может быть, она позволила бы ему поцеловать себя в щечку, но обожать его... Нет. Селия уже пожалела, что разрешила этому джентльмену привести себя сюда. Что, скажите на милость, ей теперь делать?

— Лорд Юстон, я не думаю, что нам приличествует говорить об этом...

Она легонько попыталась высвободить руку, но он не отпуская.

— Если признаться вам мешает девичья скромность, я пойму. Если вы опасаетесь неодобрения семьи, я тоже пойму. Вам достаточно сказать одно-единственное слово, и я буду ждать вас тысячу лет!

— О, пожалуйста, не надо! — Селия потянула руку сильнее, но лорд Юстон сжал крепче.

— Или вы можете сказать другое слово, и тогда мы с вами обратимся к его светлости прямо сейчас. Мы сможем пожениться еще до конца сезона, дорогая моя леди Селия.

— О, но... но мой брат уехал из города, — сказала она, пятясь назад. Юстон шел следом, притягивая девушку к себе и теперь удерживая ее ладонь двумя руками.

— Я нанесу ему визит сразу же, как только он вернется.

— Лучше не стоит, — прошептала Селия.

— Ваша скромность покоряет меня. — Лорд Юстон наклонился, лихорадочно сверкая глазами.

— О боже...

— Милейшая Селия, позвольте изведать бессмертие в вашем лобзании!

Девушка поморщилась и отвернулась. Она больше никогда не будет танцевать с лордом Юстоном! Какой же будет гадкий первый поцелуй!

— Добрый вечер, — прозвучал внезапно чей-то голос.

Лорд Юстон немедленно отпустил спутницу, отскочил назад и резко повернулся. Селия спрятала руки за спину, охваченная внезапным ужасом от содеянного. Боже, она одна, в темноте, с холостым мужчиной — да если их тут застанут, она погибла!

— Дивный вечер, правда? — произнес Энтони Гамилтон, подходя к ним. В каждой руке он держал по бокалу шампанского.

— Да, — нехотя выдавил из себя Юстон.

Селия закрыла глаза. Ее окутало волной облегчения, едва она увидела своего спасителя. Уж он-то точно все поймет и не станет поднимать шума.

— Леди Селия. Как приятно снова видеть вас. — Энтони Гамильтон улыбнулся так, словно знал, чему помешал, и находил это чрезвычайно забавным.

— Мистер Гамильтон, — пробормотала она, приседая в реверансе.

Какое-то время все трое стояли в неловком молчании.

— Нам следует вернуться в зал. — Лорд Юстон протянул девушке руку, подчеркнуто не смотря на Гамильтона.

— Нет! — воскликнула Селия, не подумав. Юстон удивленно застыл. Она покраснела. — Я вернусь через минуту, сэр, — уже вежливее произнесла Селия, судорожно придумывая отговорку, чтобы не идти с ним. — Воздух такой свежий и прохладный.

— Да, — хмуро согласился Юстон. Теперь он выглядел совсем не таким красавчиком. — Да. Понимаю. Доброго вам вечера, леди Селия.

Она пробормотала что-то в ответ, отчаянно желая, чтобы он поскорее ушел.

— Доброго вечера, Юстон, — добавил мистер Гамильтон.

Молодой граф дернулся, бросив подозрительный взгляд на Гамильтона.

— Доброго вечера, сэр. — Юстон еще немного колебался, с глубочайшим разочарованием посмотрел на недавнюю спутницу и ушел.

Селия повернулась и оперлась обеими руками о балюстраду, окружающую террасу. Святые небеса! Все вышло совсем не так, как она ожидала. Почему мама одобрила его?

— Это, — произнес мистер Гамильтон, облокотившись на балюстраду рядом с девушкой, — было самым худшим предложением руки и сердца из тех, что мне довелось слышать когда-либо.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Но в следующее мгновение не выдержала и прыснула со смеху.

— Наверное, вы слышали все, что он говорил?

— Похоже на то, — согласился Энтони. — Включая ту часть, что он украл у Кристофера Марло.

— Нет! Правда? — ахнула Селия. Гамильтон усмехнулся, и она тяжело вздохнула. — Только никому не рассказывайте!

— Конечно, нет, — оскорбленно отозвался он. — Я бы сгорел со стыда, сказав подобное. Это может погубить мою репутацию. — Селия снова засмеялась, и он улыбнулся. — Не хотите шампанского?

— Спасибо. — Она взяла протянутый бокал и с удовольствием сделала глоток.

Гамильтон поставил второй бокал на балюстраду и принялся рассматривать темнеющий сад.

— Значит, вы не намеренно довели Юстона до такого состояния?

— Не говорите глупостей. — Селия фыркнула, но тут же вспомнила, что леди так не делают. — Я бы в жизни не вышла с ним сюда, если бы подозревала, что он собирается делать предложение.

— А почему вышли? — Гамильтон посмотрел на нее открытым и спокойным взглядом, буквально приглашающим к откровенности.

Селия вздохнула и отпила еще шампанского.

— Он превосходный танцор, — сказала она.

— И невыносимый зануда, — добавил Энтони Гамильтон.

Селия потрясенно посмотрела на него, затем снова рассмеялась.

— С вашей стороны ужасно говорить подобные вещи, но... но... пожалуй, вы правы.

— Пожалуй, — пробормотал он.

— А сейчас лорд Юстон, наверное, рассказывает обо всем моей матери. — Селия вздохнула. Одно дело — выйти на террасу с джентльменом с разрешения матери, и совсем другое — остаться в темноте с мужчиной, не говоря уже о том, что это скандально известный повеса, которого мать решительно не одобряет. — Мне нужно вернуться в зал.

— Так вы что, хотели с ним поцеловаться?

Селия замерла. Гамильтон все еще смотрел в сад, в другую от нее сторону, но, не дождавшись ответа, повернул голову и взглянул на нее.

— Хотели? — снова спросил он чуть более низким голосом.

Она подошла ближе, и Гамильтон устремил все свое внимание на нее. Селия не знала другого джентльмена, который казался бы столь открытым. Она и забыла, как легко с ним общаться.

— Вот только не смейтесь надо мной, Энтони, — предупредила Селия, бессознательно называя его по имени, как делала много лет подряд. — Я... меня еще никогда не целовали, и сегодняшняя ночь казалась очень подходящей и... ну, пока лорд не начал допытываться, обожаю я его или нет, все было очень романтично. Было, — подчеркнула она, заметив, что Гамильтон скривил губы. — Неужели это так постыдно и из-за этого мы все не достойны уважения, раз нас тянет на скандальные приключения?

— Нет, вы достойны всяческого уважения.

— А вы? — Селия улыбнулась, радуясь возможности подразнить его. — Вы знаете, что вас обожают все сплетницы Лондона?

Гамильтон вздохнул и покачал головой.

— Я вовсе не такой дерзкий и безрассудный, как им нравится думать. Может быть, вы как образец благовоспитанности объясните мне, как избежать их губительного внимания.

— Да ну, это просто, — отмахнулась Селия. — Найдите себе девушку, влюбитесь в нее и остепенитесь, заведите детишек и начните разводить собак. И тогда никто про вас и слова дурного не скажет.

Гамильтон хмыкнул:

— А, вот в чем проблема. То, что вы предлагаете, проще сказать, чем сделать.

— А вы когда-нибудь пробовали?

Он пожал плечами:

— Нет.

— Так откуда вы знаете, что это сложно? — воскликнула Селия. — Тут несколько дюжин молодых леди подыскивают себе мужей. Нужно просто сделать одной...

Гамильтон негромко поцокал языком.

— Я не могу.

— Можете!

— Не могу.

В ее глазах появился блеск.

— Это похоже на вызов.

Он искоса посмотрел на нее и усмехнулся.

— Не похоже. Даже и не пытайтесь сватать меня, мой случай безнадежен.

— Разумеется, это не так, — упрямствовала она. — Да как же, любая леди в Лондоне...

— Не подойдет мне, а я ей.

— Мисс Уэзерби, — начала Селия.

— Слишком худая.

— Леди Джейн Крэнстон.

— Слишком высокая.

— Мисс Олком.

12 — Слишком... — Гамильтон замолчал, задумав-

шись и пристально всматриваясь в собеседницу. Селия уже открыла рот, готовая ликующе воскликнуть, что он не сможет найти ни единого недостатка в Люсинде Олком. — Слишком веселая, — произнес наконец Энтони.

— Так кто же вам подойдет? — выпалила она, смеясь над его забавной неуступчивостью.

Энтони снова перевел взгляд в сад.

— Вероятно, никто.

— Вы даже не пытаетесь быть справедливым. Я знаю столько милых молодых леди...

Гамильтон резко выдохнул:

— Это очень скучная тема для разговора. Нынешней весной чудесная погода, вы не находите?

— Каждая мисс, если узнает вас поближе, будет приятно удивлена, — настойчиво продолжила Селия, игнорируя его попытки сменить тему. — Вы с такой легкостью отвергаете любую в Англии. — Он перегнулся через балюстраду и прищурился, вглядываясь в темноту. — Кроме меня, — объявила Селия и резко замолчала. Святые небеса, как она могла сказать такое?

Кажется, мистер Гамильтон тоже был шокирован. Он быстро развернулся и, вскинув брови, удивленно посмотрел на юную леди.

— Прошу прощения?

Селия покраснела.

— Я... я хотела сказать, что знаю вас и убеждена, что вы и наполовину не такой плохой, каким притворяетесь.

Его сосредоточенный взгляд был настолько мрачен и напряжен, что Селия едва узнавала мистера Гамильтона. Боже, это всего лишь Энтони! Но сейчас он смотрит на нее так, словно...

— И наполовину не такой плохой, — пробормотал Гамильтон задумчиво. — Мне кажется, это очень редкий комплимент.

Селия снова засмеялась, испытывая искреннее облегчение, — он всего лишь ее дразнил. Недавнее выражение его лица, словно у волка перед прыжком, слегка вызвало у нее тревогу. На секунду Селии показалось, что Гамильтон действительно на нее набросится. Но еще хуже осознание того, что какая-то крохотная, греховная ее часть с любопытством этого ожидала. С безудержным любопытством. Она могла бы позволить лорду Юстону поцеловать себя, но только ради того, чтобы потом можно было похвастаться перед подружками, что она уже целовалась. Ее бы никогда не захватила страсть к этому джентльмену, который, как выразился Энтони, невыносимый зануда. Но поцелуй одного из самых известных повес Лондона... да, это совсем другое дело.

— Вы знаете, что я имела в виду, — произнесла Селия, гоня прочь греховные мысли. — Я знаю, что сердце у вас доброе, хотя вы очень умело это скрываете. В доказательство могу заметить, что вы уже столько времени стоите тут со мной, пытаясь успокоить и развеселить меня после самого отвратительного на свете предложения руки и сердца. Дэвид на вашем месте хохотал бы, согнувшись пополам, а потом рассказал бы о случившемся всем и каждому.

— А, ну я не ваш брат, — ответил Гамильтон, не принужденно улыбаясь, хотя взгляд его по-прежнему не отрывался от лица собеседницы.

Селия искренне порадовалась, что Энтони не видит, как она покраснела.

— Да, не брат! Но именно поэтому... — она сделала последний глоток шампанского и поставила бокал на балюстраду, — я должна вернуться в бальный зал. Полагаю, вы и дальше будете прятаться тут, в темноте, и вести себя, как и положено, безнрав-

— Вы слишком хорошо меня знаете.

Селия снова рассмеялась.

— Доброго вечера, Энтони. И спасибо. — Она в последний раз улыбнулась ему и торопливо ушла.

Энтони прислушивался к ее затихающим торопливым шагам, зачем-то считая их. Семнадцать, и Селия исчезла. Он снова уперся руками в балюстраду и глубоко вздохнул. В воздухе сохранился слабый лимонный аромат. Интересно, почему от нее пахнет лимонами, а не розовой водой, как от большинства других леди?

— Вижу, ты отдал мое шампанское, — прозвучал голос у него за спиной.

Энтони улыбнулся и протянул нетронутый бокал.

— Нет. Я отдал свое.

Фанни, леди Драммонд, с жеманным видом приняла бокал.

— Слишком юна для тебя, на мой вкус.

— Давняя приятельница, — спокойно ответил Гамильтон. — Младшая сестра друга. Юстон поставил ее в неприятное положение.

— Все лучше и лучше! — воскликнула Фанни. — Теперь ты у нас рыцарь в сверкающих доспехах.

Энтони пожал плечами:

— Это вряд ли.

— Знаешь, милый, я тебя не виню. — Она провела пальцем по его руке. — Это же лучшая партия сезона. Говорят, приданое будет в двести тысяч фунтов.

— Как сплетники ухитряются добывать подобную информацию?

— Постоянно шпионят, надо полагать. Матроны Лондона посрамили бы агентов Фуше.

Фанни прижала веер к губам, внимательно изучая Энтони.